ПЕТЕРБУРГЪ.

До Государя Петра Великаго Русь была царство материковое и примыкало къ морю только на самомъ Сѣверѣ, въ Архангельскѣ. Ни Балтійскихъ земель, ни Черноморскихъ у насъ не было; первыя стояли за Шведами, вторыя за Турками.

Море раздѣляетъ Государства, море ихъ и связываетъ: гужемъ нѣтъ ни дешеваго и удобнаго проѣзда, ни провозу товаровъ и торговли. Широкій и далекій материкъ отдѣлялъ Русь отъ всѣхъ Государствъ; нельзя было иначе попасть въ одно, какъ проѣхавъ нѣсколько другихъ, а потому мы были всегда связаны, ровно въ осадѣ, и въ зависимости отъ другихъ: они могли пропускать и не пропускать къ намъ и отъ насъ товары и путниковъ и могли накладывать какую хотѣли пошлину; мы сидѣли ровно въ мѣшкѣ.

Вотъ какъ важно море и флотъ!

На то время, какъ нарочно, Шведы сами задѣвали насъ и считая себя посильнѣе, хотѣли войны. И точно, тяжело было Петру

бороться съ ними: флоту до него не было ни щепки, а воины наши были плохи, тоже что нынѣ Турецкіе или Персидскіе: храбрости довольно, да ни порядку, ни умѣнья, а говорится: умѣнье дороже богатырства. Такъ–то Царю надо было въ то время и самому учиться, и другихъ учить, и новое войско строить, и флотъ создавать, и во все время воевать.

Но силенъ и великъ былъ Царь этотъ духомъ и шелъ онъ своимъ путемъ, ничѣмъ не смущаясь, и говорилъ: непріятель мой будетъ мнѣ другъ, хоть и не вдругъ, — а сперва надо его побѣдить. Петръ Великій положилъ: не мириться со Шведами, доколѣ не отдадутъ ему балтійскихъ земель и моря. Тутъ стану я твердо пятой, говорилъ Онъ; тутъ заложу новую столицу, на землѣ завоеванной, и примкну ею ко всѣмъ прочимъ Государствамъ. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Край, гдѣ теперь лежитъ Петербургъ, назывался тогда Ингрія, Ингерманландія. Главная крѣпость его была на острову, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера,

Нотебургъ, названная потомъ нами, Шлиссельбургъ. Шведы разбили насъ подъ Нарвой и готовились къ сильному нападенію, какъ Петръ вдругъ самъ явился съ войскомъ въ 1702 году въ исходѣ Сентября, подъ этою крѣпостью, которая встрѣтила его пальбою изъ 140 орудій. Начальствовалъ у насъ Шереметевъ, а Царь принялъ званіе капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка и исправлялъ должность эту на дѣлѣ.

Войско наше подошло лѣвымъ берегомъ, а 50 судовъ, которымъ нельзя было пройти мимо крѣпости, перетащены были переволокомъ, по просѣкѣ, изъ Ладожскаго озера въ Неву; онѣ переправились ниже крѣпости на правый берегъ и перевезли туда орудія и войско. Стали сильно обстрѣливать крѣпость съ обоихъ береговъ; Царь былъ день и ночь на своей батареѣ, управлялъ, училъ, наводилъ орудія и стрѣлялъ своими руками. Въ 10 дней сдѣлали три пролома; охотниковъ перевезли въ лодкахъ на островъ къ крѣпости и они пошли на приступъ; Шведы

отбили ихъ; — на помощь послано еще два гвардейскихъ полка, съ лѣстницами — но лѣстницы были не въ мѣру коротки и Шведы били нашихъ, которые лѣзли очертя голову. Видя это Государь послалъ съ берегу приказаніе черезъ Поручика отъ бомбардиръ, Меншикова, не лучше ли отступить; но князь Голицынъ, начальникъ приступа, видя что непріятель много потерялъ и слабѣетъ, отдалъ громко приказаніе, чтобъ лодки отвалили отъ острова, сказавъ: либо всѣ ляжемъ здѣсь, либо русское знамя поставимъ! а посланному отъ Государя отвѣчалъ: «Скажи Государю, что я теперь принадлежу одному Богу.»

13 часовъ длился этотъ приступъ — и крѣпость сдалась 11–го Октября. Гарнизону въ ней было всего 400 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 250 уцѣлѣло, и изъ нихъ было 150 раненыхъ. У насъ было 25 Офицеровъ и до 480 солдатъ убитыхъ, да 900 солдатъ и 21 Офицеръ раненыхъ. Вотъ какъ Шведы оборонялись, что на каждаго изъ нихъ пришлось больше чѣмъ по одному

убитому и по два раненыхъ съ нашей стороны! Въ занятой нами крѣпости было 138 орудій.

На другой годъ (1703) войска наши подъ предводительствомъ самаго Царя осадили, 26–го Апрѣля, другую Шведскую крѣпость Невскій Шанецъ, или Ніеншанцъ, находившуюся на мѣстѣ теперешняго Охтенскаго Адмиралтейства, и 1–го Мая завладѣли ею и 78 пушками. Только что мы заняли крѣпость эту, какъ Шведская эскадра подъ командою Вице–Адмирала Нумберса, подошла къ устью Невы, 2–го Мая, и сдѣлала два сигнальные выстрѣла. Шереметевъ приказалъ отвѣчать тѣмъ же и на эскадрѣ полагали, что все благополучно; она бросила якорь и одна шнява и большой ботъ съ припасами и снарядами, для крѣпости, вошли въ Неву. Ночь ихъ захватила и они остановились у Васильевскаго острова; а Царь и Поручикъ отъ бомбардиръ Меншиковъ, прошедши на 30 лодкахъ Фонтанкой, въ темную, дождливую ночь, тихо подошли къ судамъ этимъ и бросились на абордажъ. Ихъ

встрѣтили пушечной и ружейной пальбой — но уже поздно; оба военныя судна были взяты. Одно было о 10–ти, а другое о 14–ти пушкахъ; изъ 77–ми человѣкъ экипажа, въ живыхъ осталось только 19. Въ самомъ абордажѣ участвовали у насъ только 8 лодокъ. Шведская эскадра удалилась; Нева и Ладога остались за нами; 16–го Мая 1703 года Государь положилъ основаніе новой столицѣ своей, Петербургу, заложивъ нынѣшнюю крѣпость, во имя Св. Петра и Павла. За побѣду эту и въ особенности за личную храбрость при взятіи двухъ непріятельскихъ судовъ абордажемъ, Царь принялъ поднесенный ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго и былъ въ это время четвертымъ кавалеромъ въ Государствѣ своемъ. Бомбардирскій Поручикъ Меншиковъ, также награжденъ былъ орденомъ Св. Андрея за этотъ подвигъ; офицеры же и солдаты, участвовавшіе въ побѣдѣ получили медали съ изображеніемъ Петра и съ надписью:

Небывалое бываетъ.